

Голубовскому — 80

Уже более 60 лет я благодарен Евгению Голубовскому (для меня — Жене) за то, что он одарил меня не только дружеским расположением, но и чем-то большим, сделал меня другим. Из его рук я получил новую для меня "пищу" — от импрессионистов до Франца Кафки.

Нас разделили пространства и границы. Я уже 15 лет пенсионер, он же ежедневно, без отпусков и отдыха распаивает свою ниву. Закрою глаза и вижу его в посконной рубахе до колен, подпоясанный узким ремнем, у входа в ВКО на Маразлиевской.

Что подарить такому человеку в такой день? Написать рассказ о нём? Вот он. Называется "Мыслящий океан". Видимых героев два, но проступают контуры и третьего. Евгения Голубовского. Потому что рассказ написан для него, рассказ о людях с высоким творческим потенциалом.

Автор.

Владимир ТАЙХ Мыслящий океан

Помните наводящий ужас огромный мыслящий океан, покрывающий всю фантастическую планету? Каждую ночь в течение недели кризиса волны его разбивались о лицо мятущегося в жару Станислава Лема, непонятно как жестоко простудившегося в Закопане. Волны не остужали, после каждого удара вода долго вытекала из глаз, меняя раз за разом окраску поверхности и создавая иллюзию растекания гребешков на волнах в не предсказуемых умом направлениях. Когда вода уходила и очищала взор, волны продолжали всё тот же хаотический бег, а пена на их гребешках не подчинялась общей картине движения, переходя с одной волны на другую. Он в упор рассматривал струи, будто впускающие ему нечто, пытались понять их язык, но понимал, что не он их, они его рассматривают, как хирург, почти закончивший внешний осмотр и готовый вскрыть пациента.

— Я очень болен, — будто бы шептал он. — Ещё немного, и я утону. Зачем я вам там? Ведь должен же быть у вас хоть клочок суши. Все вместе общими усилиями доставьте меня на остров...

— Ты что? — будто бы отвечали они. — У нас не может быть общих усилий, мы каждая по себе. Это только заскоружный фантаст может представить такое — мыслящий океан! На самом деле каждая из нас мыслит самостоятельно, мы независимы в своих решениях и автономны в действиях... А что, там, откуда ты, вы не разъединены, действуете заодно и помогаете друг другу?

— Ну да, у нас человек человеку брат... по моему.

— А вот за враньё... иди на дно. И началось мучительное погружение в мутные безжизненные глубины, нечем было дышать, да он и не дышал, смотрел и понимал неотвратимость постоянного погружения. Со временем же почувствовал. Чем глубже его тело проваливалось в бездну, тем прохладнее становилась жидкость, омывавшая лицо и съедающая сжигающий его жар. В бездне прошла вечность, и, вот, наконец, голову взорвал удар колокола. И это был колокол, возвещающий жизнь. Надо открыть глаза. Они открылись в противоположную сторону. Он увидел себя в убогом номере отеля, зеркало над умывальником отражало не его, какое-то потное взлохмаченное чучело. Прильнул ртом к крану и ливал в себя воду, пока не почувствовал, что не доползёт до дивана.

Утром проснулся здоровым. В дверь постучали:

— Пан Станислав сегодня съезжает?

— Нет, я остаюсь. Он закрыл глаза (и открыл их в другую сторону), его тело дрожало от возбуждения. Он понял: в его голове, да что в голове — в руках, зажат в кулаке сюжет великого фантастического романа, шедевра фантастики.

Поддавив внутреннее ликование, чтобы не искушать удачу, с постным лицом он пошёл будто бы в ванную, чтобы сбить с толку Его, если Он следил за ним, затем резко повернул к столу, расчехлил любимый портативный "Гермес", заправил плохо гнущимися пальцами и нервно застучал клавишами. Роман уже был готов в его голове, а может быть, где-то выше. Оставалось его лишь перенести на бумажный носитель.

Шесть недель, день в день, не вставая, этот немый, пропахший до самоотвращения едким потом, почитаемый во всём читающем мире писатель стучал по клавишам, и одна лишь забота тревожила: "Дорогой мой "Гермес", мой верный зелёный друг, я знаю, как тебе трудно, выдержи, не сломайся, я умру, если ты не выдержишь".

Он ел, не отрываясь от своего Соляриса, спал, уронив голову на стол у верного "Гермеса". И ровно через шесть недель, проснувшись в сумерках, вдруг ощутил равнодушие и опустошённость. Позвонил портю, попросил

прислать кого-нибудь, чтобы собрал его вещи и бумаги. Через четыре часа, отпаренный в сауне и отмытый банщиком, ночным поездом отбыл в Варшаву.

О недописанном романе и думать было противно. Чёрт с ним, с великим шедевром. Через год вспомнил. Долго заставлял себя сесть за работу, преодолеть отторжение, наконец, не прочитав написанное, забыв, на чём оно кончалось, спокойно написал завершение романа. И по-пилатовски умыл руки.

Время лечит. И течёт сквозь пальцы, как песок на краковских пляжах Вислы и впадающих в неё речушек. Стали размываться и улетать из ночных кошмаров постоянные деформирующие душу и психику мишеры Второй мировой войны. Война застала его во Львове. Во Львов сначала ворвались немцы, затем, преодолевая сопротивление поляков, войска СССР. Молодого Станислава, уже достигшего к тому времени призывного возраста, в числе защитников родного города не было. Последовавшие за этим два года власти Советов ушли на учёбу и взросление. И вот трагическая дата 30 сентября 41 г. Львов заняли фашисты. Началось великое переселение евреев в гетто, затем — в Освенцим и Трешлинку, в газовые печи. Погибла не одна сотня тысяч евреев благополучного Львова.

В ту ночь, когда во всём городе проводились массовые облавы, когда автоматные очереди заглушали вопли выбрасываемых с верхних этажей, а в кострах из горящей посреди улиц мебели извивались тела убитых, на чердаке полуразрушенного снарядами дома уважаемый в городе равнин реб Шлоим собрал евреев на свою последнюю молитву.

— Есть десять типов молитвы: зов, крик, стон, песнь, стук, страдание, призыв, паде-ние ниц, мольба, упрощивание. Уже глубокая ночь, евреи, вы были как никогда искренни и усердны. Вс-вышний не оставит вас! На вопрос почтенного реба Лема, куда спрятаются, как избежать верной гибели, отвечу. Не надо ехать в сёла и маленькие города, там выдадут. Не нужно прятаться в подвалах и на чердаках, надолго вас там не хватит. Прятаться надо не подале от немцев, а у них под носом. Жить, работать вместе с ними. Конечно, имея надёжные документы, это пока не проблема. Будьте всегда на виду и в самой гуще. Живите. А моё место — там, где я больше всего нужен: в гетто. Прощайте!

Станислав и его близкие пережили оккупацию. Сам юноша работал в немецкой мастерской автослесарем и сварщиком, был исполнительным, даже покорным. Его хвалили. Но никогда, ни ночью, ни днём его не оставлял тот изнуряющий душу липкий страх, к которому невозможно привыкнуть.

Но вот события пошли вспять. Немцы не наступали, а бежали. В город вступила Красная армия и пошла дальше, освобождая Польшу. На время не стало ни границ, ни власти, и сообразительное семейство Лемов подалось на юг, в глубь Польши, подале от

линии Керзона, в прекрасный Краков. Тогда и началось растянутое на годы медленное его освобождение от стрессов, тех ужасов, что продолжали жить в нём.

Как поляк, он всегда ненавидел русских, освободивших его, а к немцам относился достаточно лояльно. Это никого не удивляет, это известный давно и всем "польский синдром". Может, найдётся учёный-психолог, который этот синдром объяснит научно?

В социалистической Польше изучали классиков марксизма и предтеч их — Гегеля, Фейербаха... Вот и вернувшись из Москвы на закате лета 1972 года, он вспомнил поразивший его когда-то афоризм Гегеля: "Исторические события повторяются дважды: первый раз — в виде трагедии, второй — в виде фарса". Трагические шесть недель и лихорадка, родившие его "Солярис", не ушли из него, они оставили не след — борозду в его психике. А вот и другие шесть недель, тоже связанные с его романом. А их он мог расценивать лишь как фарс в чистом виде.

Неприятная весть застала его в Варшаве. Приглашали на обсуждение, а в принципе, авторизацию фильма "Солярис".

— Это хорошо, поставил сам Андрей Тарковский, его ценят на Западе, — успокаивал Вайда. — Поезжай, он молод, объясни, что надо изменить, что надо переделать.

— То paskudny gosyjski, — только и ответил пан Станислав. Но не поехать было нельзя.

В Москве и начался настоящий фарс. Пригласив, приглашали на ужины и завтраки, обнимали, дарили его книги — переводы на русский. А тот, что пригласил его, был занят, работал над монтажом. Дело пахло скандалом, польский гость потребовал билет на обратный путь.

— Что вы, что вы, вам обязательно надо посмотреть фильм. Мы завтра же вступим в переговоры с Госкино и Мосфильмом.

Прошла ещё неделя, затем — праздник, День авиации или флота, затем — занятая просмотрова, и вот он на крупнейшей киностудии СССР. Завтрак в честь гостя, речи, здравницы. И, наконец, просмотр. Тарковского нет.

Фильм ужасный, его воротит от всего. Откуда-то у Криса появились отец и тётя, а родные земные пейзажи, речушки и стрекотание в траве, к чему они?

— Мне не нужна Земля! Вы мне покажите планету Солярис! Вот заболел Кельвин, ушёл фантом Хари, решение Кельвина сначала убить океан жёстким облучением, потом решение остаться. А разговоры с членами экипажа?! Да это Nasty Dostojewski bohaterowie (мерзкая достоевщина).

И тут кто-то из молодых, сидевших сзади, думая, что я не понимаю по-русски, изрёк: "Да ему до Достоевского, как до Солнца". Второй прибавил: "Средней руки фантаст".

"Свины", — я почувствовал, что багровою. Окончательно меня добил финал, противоречащий всем концепциям моего романа. В

волнах океана появлялся островок с тем маленьким домиком, которого не было и не могло быть у меня. Тьфу! И Крис, как блудный сын, на коленях перед фантомом отца, и начинающееся взаимопонимание мыслящей материи океана и непрошенных земных пришельцев.

А сзади восторги: "Гениально!", "Да ради одной этой сцены стоило снять этот фильм!" Идиоты! Сопляки! В этом мире давно, очень давно нет ни одной силы, ни одной идеологической субстанции, которая бы объединяла людей: всё, вся направлено на разъединение и только на генерацию розни.

Единение разрушают дурная политика, дурная литература, театр, кино, особенно разъединяют религия, человеческие и державные амбиции, святая вера в свою исключительность и правоту. Да и перманентно восхваляемый во все времена патриотизм. И фанатизм, самое отвратительное, что может быть в людях.

— Ну всё! С меня хватит! Где Тарковский?

— Я здесь, пан Станислав. Рад вас приветствовать в Москве. Каково ваше первое впечатление?

— Плохо! Это не мой "Солярис".

— Спасибо, вы правы: это, конечно, мой "Солярис".

Я был раздражён до крайности, говорил резко, минуя дипломатические выражения. Прихлёбывая бренди, я говорил с напором и с пафосом, порой переходящим в злость. Это был почти монолог а-ля Фидель Кастро длиною в четыре часа. Я пристально гляделся в собеседника. Он слушал серьёзно и внимательно. Но где-то в глубине его глаз мне чудились прыгающие чёртики.

Полужинали в прекрасном ресторане Дома литераторов, пошли гулять по вечерней Москве. Этот город мне не нравится, вернулся раздражение. Я ещё и ещё раз перечислял эпизоды, которые надо бы исправить. Он молчал. Мне было за пятьдесят, ему сорок. Мальчишка, а так возмнил о себе.

— Слушай, а не стоило ли тебе чем-нибудь другим? Торговать мясом или стать парикмахером?

— Надо подумать.

— И не спросишь, почему я так сказал? Потому что ты дурак!

Развернулся и почти побежал в гостиницу. Утром отбыл в Польшу. С тех пор мы не делились.

Я дожид до начала нового тысячелетия. Отметил восьмидесятилетие. Когда не пишу, вспоминаю свою жизнь, разбираю по косточкам, анализирую. Андрей 15 лет как оставил этот бранный свет, поселился на Сент-Женевьев-де-Буа. Я много лет не мог простить ему ни "Соляриса", ни нашего randevu. Он тогда победил, так как был уверен в своей правоте. В 84-м — сенсация: Андрей стал невозвращенцем, по миру прошла ретроспектива его фильмов. Нехота посмотрел "Рублёва" и был потрясён: работа гения. Стал смотреть всё, кроме "Соляриса", которым особенно восхищались. Его "Ностальгия" понравилась меньше, зато "Жертвоприношение" потрясло. И только после этого я понял огромное значение для Андрея блестящего эпизода, завершающего фильм и отсутствующего у меня и в сценарии Фридриха Горенштейна. Эта тема повторилась в "Жертвоприношении". Это тема высочайшего гуманизма и вера в человека. Теперь я не могу утверждать, что нет идей, объединяющих разобщённый мир, но эта труднейшая и неблагодарная работа под силу лишь самым чистым, самым твёрдым в убеждениях, готовым ежедневно, пусть виртуально, но не жалея сил взбираться с кувшином живительной воды на огромную гору, где гибнет засыхающее древо, символ и надежда человечества, отдать ему влагу жизни и спуститься к источнику, чтобы вновь, преодолевая усталость, начать подъём.

Дураком оказался я, дорогой Андрей Арсеньевич Тарковский. Простите меня".

Кадр из фильма "Солярис" режиссера Андрея Тарковского

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.